

ПОКА МЫ БЫЛИ СЕМЬЁЙ

РОМАН

А.М. Сунгурский

18+

А.М. Сунгурский

Пока мы были семьей

«Автор»

2026

Сунгурский А.

Пока мы были семьей / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Гороховец, конец восьмидесятых. Павел Ладин умеет делать мебель, которая прослужит годами. Его младший брат Антон умеет находить тех, кто за неё заплатит. Вместе с Ольгой, женой Павла, они открывают мастерскую и впервые могут позволить себе мечтать о большем. Первый крупный заказ приносит деньги — и ссору, которую оба брата предпочитают забыть. Дело растёт, появляются собственные дома, рождаются и взрослеют дети. За семейным столом всё ещё говорят «мы», но каждый вкладывает в это слово своё. Тридцать лет общей жизни, любви и соперничества. Жёны, у которых есть собственные желания. Дети, которым предстоит решить, что из родительского наследства они готовы принять. И два брата, всё труднее различающие заботу о семье и право ею распоряжаться.

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Третий стул	5
Глава 2. Короткий рабочий день	12
Глава 3. Поезд в Горький	18
Глава 4. Под чужой крышей	24
Глава 5. Воскресные гости	29
Глава 6. Тот, кто отвечает	34
Глава 7. Место для танцев	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

А.М. Сунгурский

Пока мы были семьей

Глава 1. Третий стул

Гороховец, октябрь 1988 года

Ольга принесла на первое собрание кооператива три стула. Два поставила возле верстака, а третий, с разошедшейся спинкой, оставила себе: если не откидываться, он ещё держал. Павел сразу отнял его у неё.

— Этот пока не трогай.

Он повертел стул, надавил на спинку. Из-под царги посыпалась жёлтая древесная труха. Ольга смотрела, как муж пробует соединение, хотя сломалось оно ещё в мае и с тех пор все трое научились на этом стуле сидеть.

— Мы разговаривать пришли, Паша.

— Я вижу.

— Тогда поставь.

Павел прислонил стул к стене и вытянул из-под верстака ящик. На ящике лежали обрезки досок; он сложил их на пол, накрыл крышку старой телогрейкой и только после этого сел. Хорошие стулья остались Ольге и Антону.

Младший брат ещё не пришёл. Через неплотную дверь сарая было видно, как во дворе Нина Степановна вытряхивает половик. Влажный октябрьский свет делал её руки краснее, чем они были. За забором завели мотоцикл; водитель долго дёргал ручку газа, а потом, так и не тронувшись, заглушил двигатель.

Ольга раскрыла тетрадь. Между страницами лежали три машинописных экземпляра устава, выправленного так старательно, что на последней странице не осталось места для нижнего поля. Перепечатывать приходилось в бухгалтерии столовой после работы. Вчера завпроизводством вернулась за забытыми ключами, увидела бумаги и спросила, собирается ли Ольга открывать собственную столовую.

— Лучше, — сказал Павел, когда жена пересказала вопрос. — Хоть кормить никого не надо.

Она не ответила. Илья спал в доме у бабушки, и на обратном пути его предстояло нести. Утром опять расквасит дорогу; новые ботинки ребёнка уже пропускали воду у носка.

Антон вошёл с батоном под мышкой и пакетом молока в руке. Капли с мокрых волос падали ему на воротник.

— Так. Руководство в сборе.

— Почти, — сказала Ольга.

— Я же здесь.

— Теперь в сборе.

Он положил покупки на край верстака. Павел подхватил молоко прежде, чем мягкий пакет сел на стружку, и поставил в чистую консервную банку, где раньше держал карандаши.

— Мать просила? — спросил он.

— Сам догадался. По дороге видел очередь, решил, что нам тоже нужно.

Антон вытер лицо ладонью и поцеловал Ольгу в холодную щеку.

— Давай я на ящик, — предложил он брату.

— Сиди уже.

Третий стул, единственный пустой, стоял у стены спинкой к собравшимся. Ольга сдвинула с колен тетрадь на верстак, поверх неё положила устав. Павел давно освободил для бумаг прямоугольник между тисками и жестянками с шурупами. Не хватало лишь света: висевшая под потолком лампочка освещала Антонов затылок, а на страницу ложилась тень от его головы.

— Ты левее сядь, — попросила она.

— Что у нас сначала?

— Сначала ты левее сядь.

Он пересел и улыбнулся так охотно, что она едва не улыбнулась в ответ.

Ольга прочла название. «Производственный кооператив “Складень”». Антон придумал его после того, как Павел в очередной раз отказался называть будущую мастерскую «Меридианом». Почему столярному делу полагался именно меридиан, никто объяснить не мог. Ольга была за «Складень»: коротко, спокойно, можно уместить на квитанции.

Дальше шли виды работы, порядок вступления и выхода, имущество, обязанности председателя. Павел сидел, опустив локти на колени. Антон слушал внимательнее, чем обычно слушал чужое чтение, и только один раз перебил — когда речь дошла до денег, оставляемых на развитие.

— Это потом сами решим?

— Общим собранием.

— Ну, то есть сами.

— Да.

— Хорошо.

Она перевернула лист. Снаружи к двери подошла Нина Степановна и посмотрела на молоко.

— А я думала, вы забыли.

— Я не забыл, — сказал Антон.

— Хлеб-то опять тёплый взял. Его завтра не разрежешь.

— Так давай сегодня съедим.

Мать покачала головой, забрала покупки и осталась в дверях.

— Пашу, конечно, главным. Он старший.

— Мам, мы ещё не дошли, — сказал Павел.

— А что там доходить.

Ольга нашла место, с которого её прервали. Она и сама считала, что председателем должен стать Павел. Он знал работу, не пил, не забывал обещаний и никогда не соглашался, не поняв, что от него хотят. Последнее качество в семейной жизни иногда хотелось из него вытряхнуть, зато для дела оно казалось надёжным.

— Председателя всё равно выбираем, — сказала она.

— Выбирайте. Я вам не мешаю.

Нина Степановна ушла в дом. Антон потёр о брюки влажные ладони.

— Предлагаю Павла Викторовича. Кто за?

Он поднял руку. Ольга тоже подняла. Павел посмотрел на них и не двинулся.

— А тебе можно за себя, — объяснил Антон.

— Я понял.

— Так чего ты?

Павел поднял руку, словно соглашался ответить на вопрос, который ещё не прозвучал. Антон опустил свою первым.

— Единогласно. Уже успели избрать — и ни одной драки.

Ольга записала решение. При словах «избрали единогласно» рука невольно вывела тот же завиток, каким она в столовой оформляла выдачу спецодежды. Ей вдруг стало неловко за

серьёзность этой тетради, за чистую юбку, надетую в сарай, за старательно вытертые туфли. Как будто она одна поверила в то, над чем мужчины ещё могли пошутить.

Потом Павел спросил, сколько ей надо оставлять за ведение бумаг.

— Как это — оставлять?

— Из заработанного. Тебе же после работы сидеть.

Антон потянулся к уставу, но лист не взял.

— Паш, это мы втроём будем решать. Как сейчас.

— Я и спрашиваю.

— Вы сначала решите, сколько сами возьмёте за работу, — сказала Ольга. — Потом я посчитаю свою.

— Мы с Тошкой пополам.

— Пополам что?

Павел провёл ладонью по колену, оставив на ткани светлую полосу.

— Что останется.

— А останется после чего?

Он посмотрел на брата. Антон уже не улыбался.

— Доски, клей, лак, железо, — начал он. — Привезти. За свет матери. Дальше — работа. Твоя тоже, Оль.

— И деньги на следующий заказ, — добавила она.

— И на следующий.

— Тогда “пополам” пока не получается.

Павел подвинул к себе устав. Он не обиделся, и от этого Ольге стало легче. Иногда он сердился не на отказ, а на то, что ему не могли толком объяснить причину; сегодня объяснить удалось.

— Ты напиши, как должно быть, — сказал он.

— Тут написано. Я хочу, чтобы вы прочитали.

Они читали по очереди, потому что экземпляры лежали один на другом и никому не пришло в голову раздать каждому свой. За стеной закашлял проснувшийся Илья. Ольга вздрогнула, но не встала: мать Павла уже заговорила с ним, голос ребёнка стих.

Антон вернул последний лист.

— Значит, втроём. Всё, что относится ко всем.

— Да.

— Записывай.

Она постучала кончиком ручки по напечатанному абзацу.

— Уже.

Они подписали три экземпляра. Павел выводил фамилию медленно, придерживая бумагу двумя пальцами. Антон расписался быстро и потом вернулся поставить точку после инициала. Ольга расписалась последней.

Когда она складывала документы, Антон достал из внутреннего кармана маленький листок, исписанный с обеих сторон.

— Теперь о хорошем. Заказ у нас есть.

Павел поднял голову.

— Какой заказ?

— Стол.

— Какой стол?

— Для кухни. Раскладной. Чтобы в сложенном виде стоял у стены, а когда все приезжают — раскладывался. Зоя Николаевна из соседнего с нашим двором дома. Я ей сказал, придём посмотрим.

— Что сказал по цене?

— Что придём посмотрим.

Павел протянул руку. Антон отдал листок. На нём были номер квартиры, имя, какие-то размеры и ниже — «муж высокий». Последние два слова Павел перечитал.

— Это зачем?

— Она сказала, у него под нынешним столом колени не помещаются.

— Высоту надо мерить.

— Вот и померим.

— Я не стол. Человека.

— Ну так он тоже будет дома.

Павел посмотрел на брата и впервые за вечер усмехнулся. Он развернул листок ещё раз, словно с оборота могли добавиться другие сведения. Ольга достала из тетради чистую страницу.

— Давайте сперва посчитаем, во что обойдётся, — сказала она.

— Ты ещё стола не видела, — ответил Павел.

— Зато я наши деньги видела.

Антон засмеялся, но тут же достал карандаш. Свой, короткий, химический, с изгрызенным торцом. Положил перед Ольгой рядом с её ручкой.

* * *

Через две недели они принесли стол Зое Николаевне. Устав уже зарегистрировали; тонкий лист с печатью Ольга хранила дома в папке между свидетельством о браке и Ильиным свидетельством о рождении, а по утрам перекладывала в сумку. Павел не вполне понимал, зачем носить его каждый день. Она говорила: пока не заведём место для документов, так спокойнее.

Стол они везли на ручной тележке Нины Степановны, предназначенной для картошки. Павел обернул ножки мешковиной и шёл сзади, придерживая столешницу на выбоинах. Дождь прекратился, но с деревьев ещё капало; Антон накрыл верх старым плащом и на каждом повороте оглядывался, не съехал ли рукав на колесо.

У подъезда им пришлось снять стол с тележки и внести вдвоём. Павел шёл первым, спиной вверх по лестнице. Он видел перед собой напряжённое лицо брата и неизбежно вспоминал, как Антон в детстве умел поднимать тяжесть лишь на несколько секунд: ровно настолько, чтобы старший успел выручить. Сейчас младший не отпускал.

— Подними свой край, — сказал Павел на площадке.

— Он уже у меня под подбородком.

— Ещё немного. Дверь заденем.

Антон поднял. Они развернули стол, прошли в квартиру и поставили на кухне. Зоя Николаевна шагнула назад, прижала руки к халату. Леонид Михайлович, высокий, с почти белыми волосами, стоял у окна и держал старый табурет.

— Красивый, — сказала хозяйка.

Павел услышал это и сразу забыл, как холодно было пальцам на улице. На столе не имелось ни резьбы, ни дорогого рисунка: светлая, хорошо отшлифованная поверхность, две откидные половины и простые ножки. Он сумел сделать складные опоры так, чтобы их не приходилось ловить ногой, когда раскладываешь стол одной рукой. На отделку ушло больше времени, чем они заложили в расчёт. Вчера Ольга спросила, считает ли он наждачную бумагу бесплатной, и Павел не нашёл, что ответить: последний вечер он шлифовал уже для себя.

Антон снял плащ и мешковину, отнёс в прихожую. Павел поставил стол к стене, поднял одну половину, вывел под неё опору. Зоя Николаевна попросила попробовать самой. Он опустил столешницу и отошёл.

Хозяйка повторила движение. Опора встала на место. Она положила ладонь на поднятую половину и слегка нажала, сперва осторожно, потом сильнее.

— Хорошо, — сказала она мужу. — Садись.

Леонид Михайлович подвинул табурет, сел и сразу упёрся коленями в поперечную планку.

Павел увидел это прежде, чем тот поморщился.

В квартире, когда он приходил мерить, стоял другой табурет, низкий, с протёртым сиденьем. На нём Леонид Михайлович поместился бы: Павел проверил высоту. Нынешний был выше, с мягкой подушкой, привязанной шнурками к ножкам.

— Вы тот табурет убрали? — спросил он.

— Отдали соседке, — сказала Зоя Николаевна. — Ему вставать тяжело. Я думала, мы говорили.

Они не говорили. Павел точно помнил: хозяйка жаловалась на узкую кухню, на то, что дочери с зятем негде сесть, а в комнате стоит новый ковёр и внук всё на него опрокидывает. Леонид Михайлович показывал, где проходит труба. О табурете никто не сказал.

— Я же под старый делал, — произнёс Павел.

Антон вернулся из прихожей и остановился у двери.

— А какой будет нужен? — спросил он.

— Дело не в том, какой нужен.

— Ну давай посмотрим.

Леонид Михайлович сидел, разведя колени, словно пытался не мешать спору. Зоя Николаевна сжала губы. Её ладонь по-прежнему лежала на новом столе, но Павел уже не слышал утреннего «красивый». Теперь он представлял, как они снимут опоры, заново просверлят отверстия, а старые придётся заделывать. Следы останутся. Он вёз сюда готовую работу, на которой хотел показать себя.

— Приподнять можно? — спросила хозяйка. — Под ножки что-нибудь.

— Не надо ничего под ножки, — ответил он слишком быстро.

Зоя Николаевна убрала руку.

— Я потому и спрашиваю.

Он хотел объяснить, почему подкладки — плохая мысль: их вынут, потеряют, забудут на одной стороне, стол закачается. Но слышал в собственном голосе ту жёсткость, с которой вчера говорил Илье не лезть под верстак. Женщина была старше его матери.

Павел опустил на корточки. Поперечина соединяла две неподвижные ножки. Её можно было переставить ниже, оставив достаточно места коленям; это не затрагивало складной опоры. Старые отверстия окажутся с внутренней стороны, закрытые ногами сидящего. Он уже знал, как сделает, и всё ещё не хотел соглашаться.

Антон присел рядом, посмотрел снизу.

— Паш?

— Вижу.

— Может, стул им пока наш принести? Тот, на котором мама сидит.

— У него сиденье ещё ниже.

— Ясно.

Брат замолчал. Он не сказал клиентам, что всё будет готово через час, не пообещал починить завтра. Павел был благодарен ему за это молчание и одновременно раздражён, что теперь решение осталось целиком за ним.

Он встал.

— Переделаю планку. Сам стол забирать не будем, я её сниму, а завтра привезу и поставлю ниже. До тех пор не садитесь вплотную с этой стороны и не двигайте стол. Опора половинки здесь отдельная, но без поперечины таскать его не надо.

— Сколько ещё? — спросила Зоя Николаевна.

— Не надо ещё.

— Мы можем доплатить. Я же не хочу, чтобы вам...

— Я сказал — не надо.

На этот раз он постарался сказать мягче, но получилось лишь тише. Леонид Михайлович подался вперёд, придержал ладонями край сиденья и встал.

— Вот за это спасибо, — сказал он.

Павел достал отвёртку.

Пока он снимал планку, Антон проверил, легко ли хозяйке дотянуться до защёлки. Потом предложил переставить стол ближе к окну: там в сложенном виде оставался проход к плите. Они вместе вытерли с пола мокрые следы от обуви. Зоя Николаевна снова начала говорить о дочери, о внуке, которому исполнилось четыре, и о том, сколько раз они собирались купить нормальный стол, но каждый раз требовалось что-нибудь другое.

Когда Антон спросил про старую столешницу, она показала на балкон.

— Там, прислонили. Выбросим.

— Не выбрасывайте пока, — сказал Павел из-под нового стола.

Все трое посмотрели на него.

— Зачем? — спросила хозяйка.

Он вылез, держа снятую поперечину.

— Мало ли. До завтра хотя бы.

Зоя Николаевна кивнула. Павел увидел, что она поняла по-своему: мастер оставляет ей запасной выход. Он имел в виду, что старую доску можно ещё использовать, но исправлять не стал.

Они вернулись во двор уже с пустой тележкой. Антон катил её одной рукой. В другой держал свёрнутую мешковину, которую Зоя Николаевна не позволила бросить на дно: там было грязно.

— Хорошо вышло, — сказал он.

— Завтра ещё ходить.

— Рядом же.

— Дело не в рядом. Если у каждого после сдачи ещё по дню сидеть, что заработаем?

Антон остановился, пропуская женщину с ведром.

— Тогда в следующий раз спросим про стул.

Павел повернулся к нему. Брат смотрел прямо, без насмешки.

— Ты думаешь, я не спросил бы?

— Теперь спросишь. И я спрошу. Чего ты сразу.

Они пошли дальше. За забором матери тлела мокрая ботва; в холодном дыму пахло землёй. Павел протянул руку к ручке тележки, но Антон не отдал.

— Подожди. Я ещё не договорил.

— Ну.

— Она нас соседке посоветует. Которая табурет забрала.

— Ты уже спросил?

— Она сама. Пока ты планку снимал.

Павел хотел сказать, что соседке сперва нужно не обещать, а посмотреть. Но Антон это уже знал. Они остановились у калитки, вместе подняли тележку через порог, и Павел придержал створку, пока брат протаскивал колесо.

Из дома выбежал Илья в чужой, слишком большой шапке. Он обхватил отцовскую ногу и, запрокинув лицо, спросил, продали ли они стол.

— Почти, — ответил Павел.

— Тогда купим машину?

— Сначала тебе ботинки.

Илья сжал губы. Машина, которую он имел в виду, была маленькая, красная, с открывающимся багажником. Павел вспомнил об этом слишком поздно, когда сын уже отпустил его и пошёл следом за Антоном: тот обещал показать, как выпрямить колесо у старой игрушечной машины.

Ольга стояла на крыльце. Павел поднял снятую планку, собираясь объяснить задержку. Она посмотрела сначала на неё, потом на сына.

— Поели у них?

— Нет.

— Идите. Я картошку ещё не сливала.

Он занёс планку в сарай. Поставил у верстака, потом зачем-то обернулся к сломанному стулу. Тот всё ещё ждал у стены. Павел попробовал рукой разошедшуюся спинку и, прежде чем идти в дом, положил стул на верстак.

Глава 2. Короткий рабочий день

Февраль 1989 года

В пятницу Ольга собиралась уйти из столовой в три. Она договорилась заранее, закончила ведомость к обеду и даже принесла из дома пустую банку: на обратном пути хотела зайти за сметаной, потом забрать Илью и успеть с ним в обувной магазин. Ей нравилось это маленькое будущее, в котором всё помещалось одно за другим. Сметана, ботинки, ребёнок на санках, ранний ужин. Вечером можно будет вымыть голову, не прислушиваясь, не идёт ли Павел.

В половине третьего Галина Ивановна позвала её к себе.

Ольга вошла с сумкой. Завпроизводством сидела за столом, положив перед собой две ведомости. В кабинете пахло жареным луком: в открытое окошко из кухни тянуло сильнее, чем из форточки на улицу. Над батареей сушились вареники Галины Ивановны, толстые, детские на вид, с пришитой бельевой резинкой. Она и дома не хотела терять время на поиски пары.

— Сядь, — сказала она.

Ольга поставила сумку рядом с табуретом. Стекло банка ударила о ножку.

— Смотри. Здесь у Нади шестнадцать смен. А здесь восемнадцать.

Завпроизводством повернула обе бумаги. Ольга увидела свой почерк, потом чужой табель. В табеле у Нади было шестнадцать смен, в ведомости — восемнадцать. Две смены из соседней строки попали и в Надин итог. Надя получила лишнее.

— Я исправлю, — сказала Ольга.

— Как?

— Сейчас пересчитаю. И с Надей...

— Надя деньги получила позавчера.

— Знаю.

— Не знаешь. Иначе сама бы заметила.

Галина Ивановна не повышала голоса. От этого хотелось, чтобы повысила: сердитый человек оставляет тебе возможность тоже обидеться. Ольга перевела взгляд на правую ведомость. Внизу стояла её подпись. Когда она её поставила, у неё на коленях лежала записка Антона с суммой за листы фанеры. Суммы не перепутались. Перепуталось время, которое она считала своим.

— Я сейчас всё проверю, — повторила она.

— В три собиралась?

— Да.

— Я помню. Не задерживала бы, если б могла сама понять.

Ольга забрала бумаги. В коридоре Надя несла стопку глубоких тарелок, прижав верхнюю подбородком. Она спросила, не собирается ли бухгалтер сегодня в магазин: ей нужны были нитки, а после смены опять будет поздно. Ольга сказала, что пока не знает, и помогла открыть дверь.

Она проверяла ведомость до четырёх. Других ошибок не оказалось, но это не облегчило первую. В бухгалтерии постепенно темнело; от окна тянуло на колени, а единственная свободная батарея находилась под чужим столом. Ольга принесла табурет поближе, потом вернулась: документы пришлось бы держать на весу. Она мысленно пересчитывала маршрут домой, убирая из него сперва сметану, потом ботинки.

Галина Ивановна вошла без стука. Поставила возле Ольги чашку чая и села у окна.

— Разобралась?

Ольга объяснила. Завпроизводством выслушала, забрала исправленный расчёт.

— С Надей в понедельник поговорим. Она поймёт.

— Я могу разницу сама внести.

— Не надо из зарплаты делать воспитательное мероприятие. Надо считать правильно.

Ольга посмотрела на чашку. Чай был сладкий, с тонкой плёнкой на поверхности. Она так проголодалась, что хотелось выпить его сразу, не поднимая глаз.

— У тебя там столы? — спросила Галина Ивановна.

— Не только.

— Знаю. Моя соседка у вас шкафчик заказала. Очень хвалит.

Ольга не знала, кто именно. За последние месяцы они сделали несколько кухонных шкафчиков, три стола, две тумбы, починили раздвижной стол соседке Зои Николаевны и поменяли дверцы в чужой старой стенке. Первую поперечину Павел переделал на следующий день, как обещал; Зоя Николаевна заплатила полностью, а через неделю принесла в дом Нины Степановны пирожки. Ольга тогда ещё думала, что такими и будут их новые заботы — приятными, помещающимися после работы.

— Они действительно хорошо делают, — сказала она.

— Я не сомневаюсь. Ты только себя не распили пополам.

Галина Ивановна поднялась. Ольга вдруг поняла, что ей сейчас предложат выбрать, и приготовилась отказаться от кооператива хотя бы на словах. Но завпроизводством спросила другое:

— После декрета ты ни разу не отдыхала нормально?

— Летом неделю.

— Это когда у свекрови огород полола?

Ольга улыбнулась. Было стыдно, что с ней разговаривают как с заболевшей, и в то же время приятно сидеть в тепле, ничего не объясняя до конца.

— Ты ведь могла бы у нас дальше расти, — сказала Галина Ивановна. — Я не навязываю. Просто подумай. Дело у вас пойдёт — хорошо. Не пойдёт — у тебя профессия есть. Не потеряй её сгоряча.

Она вышла. Ольга допила чай, аккуратно вымыла чашку в кухне и только тогда надела пальто. Надя уже ушла. Её записка о нитках осталась лежать под пепельницей, которой никто в бухгалтерии не пользовался.

* * *

Павел ждал её у детского сада. Он стоял рядом с санками, придерживая Илью за ворот, пока тот пытался достать ногой до обледенелой трубы. Сын увидел мать и объявил, что папа разрешил съехать с большой горки, когда придёт весна.

— Не когда весна, — поправил Павел. — Когда снег мягче будет.

— Он сказал весной.

— Садись, — ответил отец.

Ольга поцеловала Илью в холодный лоб. У него на реснице застряла белая нитка от шарфа. Она сняла её и посмотрела на мужа.

— Ты почему здесь?

— Мать сказала, у вас в пятницу короткий день. Думал, вместе пройдем.

— Сегодня вышло не очень коротко.

Он взял у неё сумку. Банка опять звякнула.

— Разбил?

— Нет. Пустая.

Павел заглянул внутрь, словно это можно было проверить по звуку, и понёс осторожнее. Санки достались Ольге. Верёвка оказалась мокрой, к варежке прилипал снег.

Они свернули к магазину. Дверь ещё была открыта, но продавщица уже складывала коробки. Илью пришлось вынуть из санок и внести на руках, чтобы он не набрал мокрого снега в старые ботинки. Внутри пахло кожей, резиной и теплом от раскалённой печки. Ольга любила обувные магазины за этот запах новой вещи, которой ещё не успели разочароваться.

Нужный размер остался в одной паре. Ботинки были тёмно-коричневые, тяжёлые, с жёсткими задниками. Илья сразу сказал, что не хочет.

— Ты сначала померь, — попросила мать.

— Не хочу такие.

— Других нет.

— Я в старых.

Павел сел рядом с ним на низкую скамью и взял один ботинок. Илья спрятал ногу под себя. Продавщица посмотрела на часы, потом отошла к коробкам, оставив их решать самим.

— Там мокро всё, — сказал Павел, тронув промокший носок ботинка. — Вставай, проверим эти.

— Они громкие.

— Какие?

Илья ткнул в подошву. Павел постучал ею по полу. Звук действительно получился звонкий, твёрдый.

— Это потому что здесь пол такой.

— Не хочу.

Ольга присела перед сыном. Под коленом сразу почувствовалась холодная плитка, и ей стало так жалко себя, что она едва не сказала: хоть ты не мучай. Вместо этого сняла с него один старый ботинок, затем мокрый носок и погрела ступню в ладонях.

— Пока другие не найдём, будешь в этих, — сказала она. — Я тебе мягкую стельку вырежу. Смотри, места хватает.

Илья всхлипнул, но дал себя обуть. Павел застегнул второй ботинок. Они поставили ребёнка на пол; он сделал два шага и остановился, прислушиваясь к тяжёлому топоту.

— Как у солдата, — попытался ободрить отец.

Илья заплакал.

Ольга отвернулась к продавщице, чтобы не сказать Павлу что-нибудь злое. Та принесла бумагу завернуть старую обувь.

— Ничего, — сказала она тихо. — Мой тоже ко всему привыкнуть должен был.

Павел расплатился. На улице он долго устроивал сына в санках, подворачивал полы пальто, поправлял шарф. Ольга стояла с сумкой и думала, что ребёнку всего три года, а они уже требуют от него радоваться правильной покупке.

Почти до дома они молчали. Илья успокоился, потом заснул, опустив подбородок на шарф. Павел остановился, подложил ему под голову свёрнутые варежки. Новые ботинки торчали из-под пальто одинаково, ровно, чужими подошвами наружу.

— У меня ошибка в ведомости, — сказала Ольга.

Муж повернулся к ней.

— Большая?

— Дело не в сумме.

Она услышала в собственных словах его интонацию и усмехнулась, но Павел не заметил.

— Пересчитала?

— Да. Из-за этого задержалась.

— Значит, исправила.

— Исправила. Только я там про наши доски думала.

Павел не ответил. Они дошли до поворота, где очищенная дорожка кончалась и надо было тащить санки по рыхлому снегу. Он взял верёвку у неё, передал сумку, а сам потянул сильнее. Санки пошли наискось; пришлось вернуться и поставить их ровно.

— Давай сегодня без бумаг, — сказал он. — Всё оставишь.

— А завтра?

— Завтра посмотрим.

Она кивнула. Ей хотелось согласиться хотя бы на вечер.

* * *

Они жили в двух комнатах старого дома, где за стеной каждую субботу кто-то учился играть на баяне. Собственная кухня была настолько узкой, что открытая дверца духовки перегораживала проход. Павел собирался переделать шкаф над мойкой с самого переезда; он уже знал, как увеличит полку и уберёт мешающий угол, но каждый раз появлялась работа, за которую могли заплатить.

Пока Ольга грела суп, муж уложил Илью на диван, снял с него ботинки и поставил рядом со старыми. Старую пару он подержал в руках дольше. Потом принёс на кухню пачку денег, перетянутую аптечной резинкой.

— Тут нам.

Она вытерла руки.

— Что значит — нам?

— За последнюю работу. То, что решили взять домой.

Ольга знала сумму, сама считала её вчера. Но видеть деньги рядом с хлебницей было совсем иначе, чем в тетради. Из этой пачки уже вычли стоимость материалов, дороги и то, что оставили в деле. На оставшееся можно было купить не только ботинки. Можно было перестать разрезать последний кусок масла так, чтобы каждому казалось, будто он получил обычную порцию.

Павел сел у окна и стал наблюдать, как она раскладывает купюры.

— Спрячь куда-нибудь.

— Сначала запишу.

— Сегодня без бумаг.

Она подняла на него глаза. Он улыбнулся — виновато и довольно. Ольга сложила деньги обратно, убрала в жестяную коробку с пуговицами и поставила на верхнюю полку. Ключа у коробки не было. Илья до неё не доставал.

Они поели вдвоём. Павел рассказывал, как заказчик тумбы просил вырезать в задней стенке отверстие для провода, потом принёс радиоприёмник, а провод оказался на другой стороне. Он показывал руками, как мужчина поворачивал приёмник, не желая признаться, что ошибся, и Ольга смеялась. Муж умел смешно рассказывать, когда был уверен, что его не торопят. В такие вечера ей казалось странным, что другие считают его молчуном.

— Ты не мог сам глянуть? — спросила она.

— Он мне сначала провод показал. А потом приёмник. Я же не знал, что они у него отдельно живут.

Ольга смеялась ещё сильнее и прикрывала рот ладонью, чтобы не разбудить сына. Павел смотрел на неё с тихим удовлетворением. Потом встал и обнял со спины, пока она мыла тарелки. Она откинула голову ему на плечо; вода текла, и никто из них не потянулся закрывать кран.

В дверь постучали.

Антон пришёл без шапки, с покрасневшими ушами и свёртком в газетной бумаге. Сначала спросил, спит ли Илья, потом положил на стол два апельсина.

— Ему. Только не всё сразу.

— Мы поняли, — сказала Ольга.

Павел отпустил её, закрыл воду и достал брату тарелку.

— Есть будешь?

— Буду. Но у меня сначала дело.

Ольга вытерла мокрое пятно на столе и села. Антон рассказал о пустующей столярной мастерской при ремонтном предприятии. Он возил туда накладные с автобазы и давно видел заколоченное боковое окно. Оказалось, помещение не использовали уже второй год. Внутри были верстаки и старый станок. Начальник готов разговаривать об аренде, если придут с документами и не начнут требовать, чтобы за них всё приводили в порядок.

— Крыша? — спросил Павел.

— С одного угла подтекает. Над пристройкой. В основном помещении сухо.

— Отопление?

— Надо смотреть. Там труба проходит, но я не проверял.

— А станок?

— Паш, я же сказал — старый. Не знаю, живой ли. Сам посмотришь.

Павел подвинул тарелку, не дожидаясь, пока Антон закончит. Брат начал есть и между ложками рассказывал, где ворота, как подъезжать и почему директору выгоднее сдать помещение, чем держать пустым.

Ольга слушала. Она представляла другой стол — свой, без клея и стружек, место для папок, куда можно положить документ и завтра найти там же. Видела, как оставляет сумку на крючке, а не носит из комнаты в комнату вслед за ребёнком. От этого желания ей стало стыдно: люди говорили о производстве, она думала о столе.

— Сколько? — спросила она.

Антон назвал предварительную плату. Павел посмотрел на жену. Она уже прикидывала не сумму, а время: сколько заказов потребуется, когда можно будет получить за них деньги, на что жить до расчёта. На верхней полке стояла коробка с их сегодняшним заработком.

— Понадобится ещё человек, — сказала она.

— Есть один, — ответил Павел. — Фёдор Лукин. Мы вместе работали. Он сейчас на ремонтах, тоже ищет, куда податься.

— Ему платить каждый месяц.

— Да.

— И мне там надо быть каждый день.

Антон положил ложку. Павел потянулся к хлебу, но не взял.

— Пока можно после работы, — сказал он.

Ольга посмотрела на часы над дверью. Было почти восемь. Илья за стеной проснулся и позвал её, не открывая глаз, как звал иногда среди ночи. Она ответила, что сейчас придёт.

— Давайте я утром посмотрю цифры, — сказала она.

— Хорошо, — ответил Антон. — Я больше ничего не обещал.

Он доел быстро, вымыл за собой тарелку и ушёл, не разбудив Илью окончательно. Павел проводил его до двери. Когда вернулся, Ольга уже сидела на диване рядом с сыном и держала у его рта чашку воды.

— Ты правда хочешь туда? — спросил он позже, когда ребёнок снова уснул.

— В мастерскую?

— Со столовой уйти.

Она подвинулась, освобождая место рядом. Павел сел на край дивана; пружина под ним жалобно скрипнула.

— Я хочу, чтобы ты услышал, — сказала Ольга. — Если я уйду, это будет моя работа. Не помощь вам вечером. Мне некуда будет потом идти отдыхать от вашего дела.

Он посмотрел на её руки. Кожа возле ногтей потрескалась от воды; Ольга спрятала большой палец в кулак.

— Я понял.

— Сегодня понял?

— Сейчас.

Она не стала спрашивать ещё. Павел сидел рядом, стараясь не шевелиться, чтобы не заскрипеть пружиной. Ольга потянулась к нему и прижалась лбом к его щеке. От мужа пахло мылом и чуть-чуть древесной пылью, которую не удавалось смыть до конца.

Утром она достала деньги из коробки, пересчитала и вернула на место. Не вложила в аренду, не отнесла в магазин. Сначала пришла на кухню, где Павел делал чай, и сказала, что поедет смотреть мастерскую вместе с ними.

Глава 3. Поезд в Горький

Апрель 1989 года

Табурет занял в электричке больше места, чем Антон. Пришлось поставить его ножками вверх на верхнюю полку, привязав шпагатом к металлической стойке. Сосед снизу долго смотрел на узел, потом спросил, не лучше ли снять: если упадёт, никому мало не покажется.

Антон снял табурет, поставил между коленями и обхватил его ножки. Под сиденьем лежала сумка с бумагами, поверх бумаг — завернутые матерью яйца. Нина Степановна не верила, что в другом городе можно вовремя поесть. Рядом с яйцами она положила щепоть соли в бумажке; Антон боялся, что бумажка раскроется и испортит фотографии.

Фотографий было семь. Их сделал сосед, у которого имелся хороший аппарат и желание снимать всё, кроме собственной работы. Столы, шкафчики, тумбы и один маленький книжный шкаф стояли на снимках среди бочек, лопат и прочего имущества Нины Степановны. Павел предлагал переснять на чистом фоне. Антон отвечал, что чистый фон появится, когда они наконец въедут в мастерскую, а деньги понадобятся раньше.

Договор аренды ещё готовили. Они осмотрели помещение втроем, нашли под размокшим картоном вполне целый пол, а возле станка — старый сапог, в котором зимовала мышь. Павел не дал даже попробовать включать станок, пока его не осмотрит специалист. Ольга сказала, что расходы на проверку тоже надо учитывать. Антон согласился. Ему нравилось, что теперь они спорят о настоящих вещах, которые можно снять, купить, перевезти, а не о том, осмелятся ли вообще начать.

Перед отправлением вошла девушка с длинным чехлом через руку. Она попросила подвинуть табурет, прошла к окну и попыталась повесить чехол на крючок. Крючок был занят чужим пальто. Хозяин пальто спал, распахнув рот; девушка посмотрела на него и осталась стоять.

— Давайте сюда, — сказал Антон. — Я свой груз подвину.

— Его нельзя мять.

— Тогда груз останется. Вы садитесь.

Она улыбнулась, но сесть не стала. В чехле виднелось платье из светлой ткани, узкое в плечах и широкое внизу. Девушка держала его на весу, не касаясь чужих мокрых плащей. Антон встал, приподнял табурет и попросил мужчину у прохода убрать ноги. Пока он освобождал место, девушка повесила чехол на собственную поднятую руку, как на вешалку.

— Сколько так простои́те? — спросил Антон.

— Пока не отнимется.

— Может, всё-таки разбудить его?

— Он мне пальто на платье положит.

Сонный пассажир открыл один глаз.

— Не положу, — сказал он обиженно.

Они оба засмеялись. Мужчина снял пальто с крючка, свернул и сунул себе за спину. Девушка поблагодарила его, повесила платье и села рядом с Антоном. Он уложил табурет набок перед собой, задвинув ножки под скамью.

— Вы им торгуете? — спросила она.

— Пока вожу по железной дороге.

— На полку не помещается?

— Помещается. Сосед не хочет, чтобы на него упал.

Она посмотрела на табурет внимательнее. Антон ждал привычного «сами сделали?», чтобы объяснить про брата, но девушка провела пальцем по нижней стороне сиденья.

— Здесь тоже гладко.

— Конечно.

— Не у всех конечно. У нас в мастерской вечно колготки цепляются.

Антон впервые за утро посмотрел на изделие с новой стороны. Павел шлифовал нижние кромки с таким же упрямством, как верх; Антон считал это лишним временем, за которое никто не заплатит. Девушка заметила именно их.

— Я брату передам, — сказал он.

— Что?

— Про колготки. Ему понравится.

— Он шьёт?

— Нет. Делает так, чтобы не рвалось.

Она рассмеялась. Антон заметил маленький кривой зуб рядом с передним, короткие ногти без лака и белую нитку на тёмном рукаве. Ему захотелось снять нитку, но для этого они были ещё недостаточно знакомы.

— Антон, — сказал он.

— Марина.

— Я из Гороховца.

— Я тоже. Видела вас.

— Где?

— На почте. Вы доказывали, что человеку нужна одна марка, а не набор.

Он вспомнил. У женщины перед ним не хватало мелочи, а продавать по одной в тот день почему-то не хотели.

— И чем кончилось, помните?

— Вы купили набор.

— Зато быстро.

Марина посмотрела на него с удовольствием, которое он сперва принял за насмешку, потом решил не проверять. Она работала в швейной мастерской, а платье везла тётке на примерку. Тётка собиралась на юбилей к старому начальнику и хотела выглядеть так, будто совсем не собирается ни на какой юбилей. Антон сказал, что задача сложная. Марина ответила, что сложнее всего не дать ей в последний момент нашить на воротник блестящие пуговицы.

— Почему?

— Потому что она их уже купила. Теперь платье должно оправдать покупку.

Антон смеялся. Ему было легко с ней: она не ждала, когда он закончит смеяться, чтобы вежливо улыбнуться, а сама находила, за что зацепиться. Когда поезд качнуло, Марина придержала табурет рукой, не прервав рассказа. Он вдруг подумал, как хорошо было бы ездить с ней не только по делу.

Но в Горьком они расстались почти сразу. Марина вышла первой, осторожно держа платье над краем платформы. Антон задержался из-за сумки и, когда догнал, уже не знал, как спросить о встрече так, чтобы не выглядеть человеком, который считает разговор в поезде обещанием.

— Назад сегодня? — всё-таки спросил он.

— Сегодня. К вечеру.

— Я тоже.

— Вы табурет берегите. Всё утро напрасно обнимали бы.

Она пошла к выходу. Он смотрел ей вслед, пока чехол не исчез за плечом мужчины с большим чемоданом. Потом переставил табурет под другую руку и отправился искать нужный адрес.

* * *

В мебельном магазине на него сперва посмотрели как на человека, который принёс бракованный товар. Антон успел сказать лишь «кооператив», когда продавщица показала на служебную дверь.

За дверью оказался коридор с коробками. Женщина в очках просматривала накладные, держа их далеко от лица. Она не предложила ему сесть, а Антон не рискнул использовать собственный образец: вдруг это будет похоже на торговлю с рук. Он поставил табурет рядом и выложил фотографии.

Женщина посмотрела две. На третьей задержалась.

— Это у вас где?

— В Гороховце.

— Вижу, не здесь. Я про место. Торговля у вас откуда?

— По заказам пока. Мастерскую снимаем.

— Пока или снимаете?

— Договор оформляем.

Она положила фотографию на стол.

— Сколько одинаковых тумб можете дать?

— Смотря каких.

— Вот этих.

Антон посмотрел на снимок. Тумба стояла на картофельной грядке; за ней виднелось ведро с отбитой эмалью. Павел сделал такую одну. Две дверцы, выдвижной ящик, светлый верх. Вторую можно было сделать быстрее, но двадцать — это уже не в материнском сарае.

— Десять за месяц, — сказал он.

— Двадцать сможете?

— Если заранее договориться о материале и...

— Мне нужно знать, что я получу. Не если.

Он начал объяснять, что на новую партию можно заказать одинаковую плиту, что документы у кооператива в порядке, что брат не подведёт. Женщина выслушала, сложила фотографии и вернула.

— Приходите, когда сможете показать партию. И без огорода.

Антон убрал снимки в сумку. Отказать ему могли грубее; всё же уши горели так, словно его выставили при всех. Он поднял табурет, задел ножкой косяк и тут же остановился посмотреть, не оставил ли царапину. Женщина уже вернулась к накладным.

На улице он долго не мог выбрать направление. До кафе, о котором говорил знакомый с автобазы, надо было ещё идти. Можно было сначала поесть, успокоиться, привести в порядок бумаги. Антон достал яйцо, но увидел, что скорлупа лопнула и прилипла к салфетке. Он завернул обратно. Захотелось бросить весь свёрток в урну, потом стало стыдно перед матерью, которой здесь не было и которая всё равно сумела его остановить.

В кафе его тоже не ждали.

Греков, с которым знакомый обещал поговорить, сидел за столиком в глубине зала и считал что-то на листе, прижимая калькулятор ладонью. Антон назвал себя, фамилию знакомого, объяснил про кооператив. Греков поднял голову лишь после слова «мебель».

— Мне стулья нужны. Со спинками.

Антон поставил табурет.

— Я вам соединения покажу. Стул тоже сделаем.

— У всех сделаем. Вот это тоже сделали.

Греков поднял соседний стул за спинку. Одна ножка опустилась ниже остальных и повисла на проволоке. Он опустил стул, придерживая его обеими руками, и выругался негромко, без злости, словно уже устал обсуждать с ним эту тему.

Антон наклонился. Соединение разошлось не вчера; под сиденьем виднелась обмотанная вокруг ножки проволока.

— Так использовать нельзя.

— Спасибо. Я не догадался.

Антон выпрямился. Он услышал в своём голосе Павла и понял, почему заказчики иногда переставали улыбаться. Подвинул к столу собственный табурет.

— Сядьте на этот пока.

Греков сел. Антон взял сломанный стул и отнёс к стене, где уже стояли два таких же, перевёрнутые вверх ножками. Возле стойки девушка расставляла чашки; он спросил, можно ли убрать сломанный подальше, чтобы на него случайно не сели. Она показала на дверь подсобки.

Когда Антон вернулся, Греков покачивался на табурете, держась пальцами за край стола.

— Так все делают, — сказал он. — Назад отклоняются. А потом крайний я.

— На двух ножках долго ничего не выдержит.

— Вот опять.

— Я не обещаю, что выдержит. Я хочу понять, что вам надо.

Греков перестал качаться. Антон впервые увидел его как следует: крепкий человек лет сорока, с коротко стриженными волосами, небритым подбородком и красным следом от воротника. Он ел прямо за работой; возле калькулятора остывала тарелка с котлетой, которую никто не убирал.

— Мне надо, чтобы я не покупал новые каждые полгода.

— А чинить кто-нибудь приходит?

— Приходит. Сказал, старые.

Антон попросил разрешения осмотреть остальные стулья. Пять шатались, у двух сиденья держались плохо, остальные пока были целы. Он записал это в блокнот, несколько раз проверил, не считает ли одну и ту же вещь дважды. Греков смотрел из-за своего стола. Посетитель в углу спросил, закрывается ли заведение на ремонт. Антон ответил, что нет, и постарался больше не мешать проходу.

— Что если начать с ремонта этих? — предложил он, вернувшись. — Те, которые можно сделать. Остальные брат осмотрит и скажет, нужны ли новые. А пока привезём вам несколько таких табуретов.

— Несколько — сколько?

— Сколько вам нужно на время. Здесь бы двенадцать хватило.

— Двенадцать мне и потом пригодятся. На кухне, в подсобке. Только светлые не надо, замучаешься оттирать.

Антон раскрыл блокнот на чистой странице.

— Запишу. По цвету образцы привезём. По цене я сегодня не буду вам гадать: ремонт без осмотра не посчитаю. Могу с братом приехать в следующий выходной.

— А сегодня зачем приезжал?

Антон посмотрел на табурет под Грековым.

— Чтобы вы нас пустили в следующий выходной.

Греков усмехнулся. Сдвинул тарелку, освободил место для блокнота.

— Сергей Валерьевич, — сказал он. — Записывай телефон. Только утром звони, после обеда я здесь не сижу.

Он продиктовал номер, объяснил, как его найти, если трубку снимет повар. Антон переспросил две цифры и записал название кооператива Грекова: тот, как и они, недавно начал

самостоятельную работу, только уже научился говорить с посетителями так, будто всегда здесь распоряжался.

Табурет Греков попросил оставить до приезда Павла. Антон согласился, но достал отдельный лист и записал, что передаёт образец временно. Сергей Валерьевич прочитал, исправил свою должность и расписался. Антон сложил бумагу так осторожно, будто это был уже заказ.

Когда он вышел, рука продолжала болеть от тяжести, которой в ней больше не было.

* * *

Марина сидела на вокзале возле окна и зашивала палец перчатки. Платье она отдала, чехол свернула в маленький пакет, и без него казалась меньше и свободнее. Антон увидел её раньше, чем она его, и успел придумать два удачных первых слова. Оба забыл, когда Марина подняла голову.

— Где табурет?

— В кафе оставил.

— Купили?

— Пока пробуют.

Она отвела нитку от губ.

— А расписку взяли?

Он достал из кармана сложенный лист и показал. Марина посмотрела, довольная.

— Значит, не совсем пропал.

Антон сел рядом. До поезда оставалось время. Он спросил про платье, она рассказала про пуговицы: тётка всё-таки принесла их к примерке, но потом согласилась оставить для другой вещи. Это была победа, о которой Марина говорила с большим удовольствием, чем о заработанных деньгах.

— А деньги вам заплатила?

— Конечно.

— Тётка же.

— Материал её, работа моя. Она сама так говорит.

Антон кивнул и посмотрел в окно. За стеклом проехала тележка с почтовыми мешками. Человек в ватнике толкал её, навалившись всем телом, другой шёл рядом и придерживал верхний мешок. Вдвоём у них выходило легко. Антон понял, что опять думает о брате: как объяснить, что продал не табурет, а возможность ещё раз приехать.

— Вы голодный? — спросила Марина.

— Почему?

— У вас лицо такое, будто вы уже выбираете, кого съесть.

Он рассмеялся, достал материну еду. Яйца пережили день хуже фотографий. Марина развернула салфетку на пустом месте скамьи, достала из своей сумки хлеб и яблоко. Нож у неё тоже был, маленький складной. Она разрежала яблоко, протянула половину Антону, а сама взяла яйцо.

— Соль есть, — сказал он.

— Вы подготовились.

— Мама.

— Так я и поняла.

Они ели, собирая скорлупу в одну салфетку. Антон рассказал о магазине, не украшая отказ. Марина спросила, почему он не показал хотя бы фотографию табурета отдельно, без грядок. Он признался, что брат говорил то же самое.

— Значит, вы его не слушаете?

— Слушаю. Постоянно. Иногда хочется проверить, вдруг можно и по-другому.
Она вытерла пальцы краем платка.

— Я старшей сестре до сих пор не могу объяснить, что умею сама подшивать юбку. Она приезжает и проверяет низ. Сразу, ещё пальто не сняла.

— У вас сестра есть?

— В Горьком живёт. Но сегодня я к тётке. Сестра потом обидится, что не зашла.

— Зайдёмте.

Марина посмотрела на него.

— Уже на поезд пора. И вы тут при чём?

Он засмеялся, чувствуя, как краснеет. Хотел сказать что-нибудь лёгкое, но Марина первой сложила чехол и встала.

— Пойдёмте лучше на платформу, пока я без платья и вы без мебели. Редкая возможность.

В электричке они сели рядом. Теперь ни у кого не было громоздкого груза, и Антон всё время замечал, сколько свободного места осталось между их локтями. Он мог бы подвинуться ближе, но не двигался. Марина показывала ему, как держать сложенный чехол, чтобы не рассыпались плечики, рассказывала о сестре, потом замолчала и смотрела в окно. Вечернее стекло постепенно перестало показывать поля; в нём отражались сидевшие напротив люди и её лицо, спокойное, немного усталое.

На станции Гороховец они вышли вместе. До города ещё надо было добираться, и несколько минут Антон стоял рядом с Мариной на холодном воздухе, не находя подходящего вопроса. Всё, что он легко говорил незнакомым заведующим и начальникам, здесь выглядело бы лишним.

— В воскресенье вы работаете? — спросил он наконец.

— Бывает.

— А если не будете?

— Тогда не работаю.

Он посмотрел на неё, и Марина улыбнулась первой.

— После трёх можно зайти к мастерской. Я там до трёх точно буду.

— Я зайду.

— Только без табурета.

Автобус до города подошёл почти сразу. Антон пропустил её вперёд, потом сел с другой стороны прохода: рядом с ней уже устроилась женщина с двумя сетками. Ему это совсем не мешало. Он смотрел на Маринин профиль, на белую нитку, которую она так и не сняла с рукава, и впервые за день не прикидывал, сколько ещё можно успеть.

Дома мать спросила, почему нет табурета. Антон показал расписку и назвал Сергея Валерьевича. Нина Степановна долго вытирала стол, потом сказала, что надо было взять деньги, раз человек уже пользуется.

— На выходных поедem с Пашей, — ответил он.

— И на дороге опять тратиться.

Он снял пальто, повесил на гвоздь. В доме пахло варёной картошкой, старым деревом, материнским мылом. Всё стояло на прежних местах, включая два кресла, которые отец когда-то принёс с работы и обещал перетянуть. Пять лет его не было, а обивку ещё никто не сменил.

— Мам, — сказал Антон, — ты мне рубашку белую не убираала?

Нина Степановна обернулась.

— Которую?

— Хорошую.

Она посмотрела на сына внимательнее и больше о табурете не спросила.

Глава 4. Под чужой крышей

Май — июнь 1989 года

В новой мастерской Павел первым делом повесил куртку на гвоздь. Потом снял: гвоздь оказался ржавый, на воротнике осталась рыжая полоска. Он выдернул его, завернул в бумагу и выбросил в ведро, куда складывали найденное при уборке железо. Куртку положил на подоконник. До вечера её дважды завалили чужими вещами.

Помещение уже принадлежало их рабочему дню, хотя по договору оставалось за ремонтным предприятием. У ворот сидел его сторож, по двору ездили его машины, в соседнем корпусе стучали чужие молотки. За стеной можно было услышать, как кто-то зовёт слесаря, и Павел первые дни всякий раз поднимал голову: в прежней бригаде звали бы его.

Теперь вместо этого в дверь заглядывала Ольга.

— Паш, ты занят?

Он вначале отвечал, что занят, потом понял, что она спрашивает не об этом.

Ольга ушла из столовой после того, как сдала дела и помогла разобраться новой бухгалтерше. В последний день Галина Ивановна подарила ей коробку конфет. Надя, которой объяснили ошибку в расчёте, принесла пакет с пирожками и сказала, что если столяры обидят, пусть возвращается. Ольга рассказывала это весело, но коробку не открывала неделю. Павел хотел принести домой что-нибудь особенное в честь её первого дня здесь и не придумал ничего, кроме цветов; когда до него дошло, где можно купить цветы, было уже поздно.

На подоконнике Ольгиного закутка стояла банка с веткой сирени. Ветку принёс Антон.

Фёдор Лукин вышел к ним в понедельник. Он был старше Павла на три года, коренастый, с широкими мягкими ладонями, на которых плохо заживали мелкие порезы. Инструмент принёс в самодельном деревянном ящике. Ольга встретила его у двери, провела к своему столу, показала записанные условия работы и оплаты. Она заранее выяснила, как кооперативу с их составом оформить наёмного столяра; Павел был рад, что разбираться пришлось не ему.

Сначала Фёдор внимательно посмотрел на помещение. У старого станка задержался, спросил, кто проверял электрику. Павел назвал человека, показал, что после осмотра заменили. Про угол, где раньше протекало, Фёдор спросил уже не у него, а у сторожа. Вернулся довольный: последний сильный дождь крыша выдержала.

— Когда начинаем? — спросил он.

— Уже начали, — ответил Павел.

На верстаках лежали детали для двенадцати табуретов Грекова. Заказ они подписали после совместной поездки в Горький. Павел осмотрел стулья, согласился ремонтировать шесть, а четыре признал такими, что ремонт обойдётся неразумно дорого. Греков спорил, но, когда Павел показал трещины в дереве, перестал. Светлый образец вернули: для кафе выбрали тёмную отделку, и вся партия должна была выглядеть одинаково.

Павел рассказал Фёдору о работе, показал детали и отошёл к соседнему столу. Через несколько минут обернулся. Фёдор переставлял заготовки, складывая одинаковые вместе.

— Зачем перекладываешь?

— Чтобы не искать каждый раз.

— Они по табуретам были.

— А теперь по работе будут.

Павел подошёл. Он привык собирать одну вещь от начала до конца: выбрал детали, пригнал, убедился, что всё встало, отложил готовое. Так легче было заметить несовпадение

рисунка, слабое место, неправильный угол. Фёдор хотел сначала обработать одинаковые детали для всей партии, потом переходить к следующей операции.

— Перепутаешь, — сказал Павел.

— Помечу.

— Пометки потом снимешь.

— Сниму.

— Я говорю, так неудобно.

Фёдор положил заготовку на стол.

— Тебе?

Павел замолчал. Вопрос был задан без вызова. Фёдор стоял перед ним в старом выцветшем халате и спокойно ждал ответа. С ним даже поспорить не получалось; от этого Павлу было труднее настаивать.

— Давай четыре сначала, — сказал он. — Посмотрим.

Фёдор кивнул и продолжил раскладывать. Павел вернулся к своей работе, но каждые несколько минут оглядывался. Ему казалось, что он потерял порядок в собственном помещении, едва успев его устроить.

К обеду четыре табурета стояли в ряд. Ещё без отделки, с заметными карандашными метками там, где Фёдор обещал их снять. Павел проверил соединения, перевернул один, затем другой. На третьем нашёл неровность и показал пальцем.

— Уберу, — сказал Фёдор.

— Я же говорил.

— Ты про путаницу говорил. Тут не запутано. Тут не дочищено.

Фёдор взял табурет, поставил на верстак. Павел смотрел на него и чувствовал, как трудно промолчать. Пустая мастерская стала за утро теснее, хотя в ней по-прежнему стояли всего два стулара.

Антон появился с горячими пирожками. Пакет держал за самый край, дуя на пальцы. Фёдор вымыл руки и сразу взял один. Павел ответил, что потом, только закончит.

— Остынут, — сказал брат.

— Ничего.

— Он всегда так, — заметил Фёдор. — У нас бывало, все поедят, а он ещё за работу держится. Потом холодное жуёт и злится.

Антон рассмеялся. Павел посмотрел на них: оба стояли у окна, ели, крошки падали на газету. Фёдор знал его прежним, ещё не председателем, и мог рассказывать брату вещи, которых тот не видел. Павел вдруг почувствовал неловкое, почти детское желание, чтобы Фёдор говорил о нём только хорошее.

Он вымыл руки и подошёл к пакету.

— С чем?

— С капустой. Остальные съели, — ответил Антон.

Павел выбрал самый маленький. На газете под пирожками отпечатались полукруги жира. Он ел молча и слушал, как Фёдор объясняет Антону, почему люди покупают крепкие стулья, а сидят на них всё равно неправильно.

* * *

Марина впервые пришла сюда в воскресенье, спустя несколько недель после их прогулки. На то первое свидание Антон явился вовремя, в белой рубашке и с чужим, слишком официальным выражением лица. Марина тогда едва не решила, что ошиблась в нём: в электричке был живой человек, а к дверям мастерской пришёл мужчина, приготовившийся соответствовать событию. Потом они купили мороженое, у Антона капнуло на рукав, и всё стало проще.

Теперь он ждал её у ворот нового помещения. Рубашка была та же, с едва заметным следом, который не удалось отстирать. Марина увидела его и подумала, что надо будет сказать, как убрать пятно. Потом решила сегодня не говорить.

— Здесь? — спросила она.

Антон открыл калитку.

— Не пугайтесь снаружи. Внутри лучше.

Во дворе лежали старые шины, у стены стояла машина без переднего колеса. Сторож глянул на них из окна и снова опустил голову. Марина прошла следом за Антоном в мастерскую. Внутри действительно было светлее, чем она ожидала. Два больших окна, чистый проход между верстаками, табуреты, поставленные для просушки. На одном сиденье ещё отражался прямоугольник неба.

— Трогать нельзя? — спросила она.

— Эти пока не надо.

— Хорошо, что сказали. Я всегда первым делом трогаю.

Он провёл её дальше. Показывал так, словно хотел успеть предъявить весь будущий порядок: здесь материал, здесь будут готовые вещи, за перегородкой Ольгин стол, а когда работа пойдёт, можно занять ещё одну часть помещения. Марина слушала и старалась запомнить, о чём он говорит с большим удовольствием. О станке — коротко. О возможности подъехать прямо к дверям — подробно. О людях, которые станут сюда приходить, — так, будто уже видел их.

— А где ваши фотографии? — спросила она.

Он вынул снимки из папки. Теперь они лежали отдельно от прочих бумаг, но на каждом по-прежнему торчали лопаты и бочки.

Марина подошла к тумбе и поднесла к ней фотографию такой же вещи. Эту Павел сделал для будущего показа, но ручки ещё не поставил.

— Так ведь теперь можно переснять.

— Можно. Соседа надо звать. Он всё никак не соберётся.

— И поставить ближе к окну. Вот сюда.

Она показала на свободную стену. Антон посмотрел, потом взялся за тумбу, намереваясь сразу переставить.

— Подождите, я не сейчас.

— А почему не сейчас?

— Потому что вы мне гулять обещали.

Он отпустил тумбу и провёл ладонью по рубашке.

— Правда. Пойдёмте.

Марина не ожидала, что он согласится так легко, и улыбнулась. У ворот Антон задержался лишь затем, чтобы проверить замок. Потом они вышли на улицу, и до самого спуска к Клязьме он ни разу не упомянул мастерскую.

Вода уже ушла с низких мест, оставив на ветках мусор, принесённый весной. На берегу сушилось выброшенное течением бревно. Марина села на него, придерживая юбку, Антон устроился рядом. Он спросил, не холодно ли ей, и тут же предложил вернуться, купить чаю, зайти к его матери — словно молчание требовалось срочно заполнить несколькими хорошими возможностями.

— Мне нормально, — сказала она. — Можно просто посидеть.

Он кивнул. Некоторое время они смотрели, как мальчишка ниже по берегу кидает в воду щепки. Щепки уносило медленно, мальчишка бежал вслед и сердился, когда они попадали в обратное течение возле берега.

— В детстве я хотел быть капитаном, — сказал Антон.

— А я — жить одна.

Он повернулся к ней.

— Это профессия?

— У нас было четверо в одной комнате. Я думала, сначала вырасту, потом куплю комнату, потом уже решу, кем быть.

— Четверо детей?

— Нет. Мы с сестрой, мама и папа. Сестра читала ночью, папа рано вставал, я всем мешала шитьём. Мама говорила, что комната маленькая только потому, что мы не умеем убирать.

Антон засмеялся.

— У нас дом больше. Но мама всё равно так говорит.

— Теперь с ней живёте?

— Да. Отец умер, брат женился. Я после армии вернулся — кто-то должен был остаться.

Марина посмотрела на него. Он говорил без жалобы, однако слово «должен» заставило её насторожиться. Не из-за матери: ей было понятно, как страшно оставаться одной в доме, где раньше шумели четверо. Просто Антон был всего на два года старше, а уже рассказывал о собственной жизни как о принятом обязательстве.

— А вы хотели остаться?

Он почесал щёку, посмотрел на воду.

— Сначала нет. Теперь дело здесь.

— Сначала куда хотели?

— В Горький. Всё казалось, там жизнь настоящая. Люди идут, едут, покупают. Не надо полдня ждать, пока кто-нибудь появится.

— И сейчас так кажется?

— Сейчас я там целый день людей жду.

Она засмеялась, и он тоже. Солнце вышло из-за облака, на воде стало трудно смотреть. Марина прикрыла глаза рукой. Антон немного подвинулся, заслонив её от света плечом, и она позволила себе опереться на него.

— Можно на «ты»? — спросил он тихо.

— Уже можно.

Он взял её за руку. Ладонь у него была тёплая, пальцы чуть влажные. Марина думала, что сейчас он поцелует её, но Антон лишь посмотрел, как их руки лежат рядом, и улыбнулся. Ей понравилось, что его можно так легко обрадовать, хотя она уже подозревала: сам он об этом предпочитает не знать.

* * *

Первую большую партию табуретов отправляли в Горький в кузове нанятого грузовика. Павел не разрешил складывать их друг на друга без прокладок. Фёдор принёс старые одеяла, Антон нашёл картон, Ольга помогла завернуть сиденья. Водитель сначала смотрел на часы, потом сел на подножку и стал есть из банки огурцы.

Павел считал вещи на погрузке и ещё раз пересчитал, когда закрыли борт. Двенадцать. Между ножками были проложены обрезки мягкой ткани; верёвки натянули так, чтобы при тряске ничего не ударялось. Ему всё равно казалось, что в дороге обязательно поцарапают.

— Поеду, — сказал он.

— Мы же решили, я отвезу, — ответил Антон.

— Ты же не увидишь сразу.

— Чего не увижу?

Павел показал на край кузова. Там оставалось место, в котором на повороте мог сдвинуться один из табуретов.

— Мы сейчас добавим прокладку, — сказал Фёдор.

Он взял свёрнутое одеяло, уложил плотнее. Павел проверил рукой. Всё держалось.

— А при сдаче? — спросил он.

Антон смотрел на брата без привычной улыбки.

— Я дам ему осмотреть. И сам осматрю. Паш, тебе здесь работать надо.

Павел знал. На верстаке лежал чужой разобранный шкаф, за дверью ждали две рамы. За каждую работу обещали конкретный день. Он давно мечтал, чтобы работа шла, а теперь хотел бросить всё и несколько часов сидеть рядом со своими табуретами, не позволяя никому решать, хороши ли они.

Ольга вынесла бумаги. Отдала Антону, отдельно объяснила, что подписать и какой экземпляр вернуть. Он выслушал внимательно. Потом подошёл к брату.

— Если что-то будет не так, я сразу скажу. Позвоню от Грекова в контору, тебя позовут. Не стану прятать.

— Я и не говорю, что станешь.

— Тогда отпусти.

Слово прозвучало почти шутливо. Павел не ответил. Антон забрался в кабину, водитель выбросил в ведро пустой свёрток от хлеба и сел за руль. Грузовик выехал со двора медленно, осторожно переваливаясь через выбоины.

Павел пошёл к верстаку. Долго примерял снятую дверцу шкафа, хотя уже знал, где она цеплялась. Фёдор работал рядом и не заговаривал с ним. Только в середине дня спросил, будет ли Павел обедать, и, получив согласие, принёс два стула к Ольгиному столу.

Антон вернулся под вечер на автобусе, с подписанными бумагами и коробкой пирожных. Грузовик отпустили после разгрузки; он ещё остался поговорить с Грековым. Заказчик принял всю партию. Ни одну ножку не расшатали, ни одно сиденье не поцарапали. За ремонт стульев тоже рассчитались как договаривались.

Павел проверил документы раньше, чем открыл коробку. Подпись стояла там, где Ольга отметила карандашом. У него так сильно отпустило плечи, что он почувствовал усталость сразу за весь день.

— Есть ещё работа? — спросил он.

Антон снял куртку и повесил на новый крючок у двери.

— Есть разговор. Пока разговор. Он хочет отдельный зал делать. Не сейчас, потом. Столы, стулья, перегородка. Обещал нас иметь в виду.

— Сначала пусть покажет, — сказал Павел.

— Покажет.

Ольга разрешила пирожные, чтобы хватило всем. Фёдор достал кружку, которую принёс из дома в первый день, Антон сел на подоконник. Павел наконец отложил бумаги. В мастерской пахло лаком, чаем и сладким кремом; из открытой двери было видно, как сторож неторопливо закрывает дальние ворота.

— Надо домой кусок оставить, — сказала Ольга.

— Илье уже отдельно положил, — ответил Антон.

Павел посмотрел на брата. Тот ел пирожное, подставив ладонь под крошки, и рассказывал Фёдору, как Греков первым делом посадил на новый табурет самого тяжёлого повара. Все смеялись. Павел тоже, хотя при мысли о поваре ему захотелось спросить, не качался ли тот назад.

Он не спросил.

Глава 5. Воскресные гости

Ноябрь — декабрь 1989 года

Нина Степановна достала белые тарелки с тонким золотым ободком. Ольга заметила это, когда пришла помочь с обедом. Обычно тарелки стояли в серванте на ребре, прижатые друг к другу так плотно, что вынуть одну без звона было невозможно. На дни рождения пользовались другими, с мелкими синими цветами. Белые берегли для случая, который мать Павла никогда не называла.

— Эти помыть? — спросила Ольга.

— Я уже сполоснула. Только вытри, чтобы капель не было.

Ольга взяла полотенце. Тарелки были лёгкие, почти прозрачные по краю. На одной она нашла скол и повернула его к себе, как делала всякий раз, когда садилась за чужой стол.

— Эту Паше, — сказала Нина Степановна. — Он не заметит.

— Заметит.

— Ну так скажет мне потом. Чужим не надо.

Марина ещё не была своей, и потому для неё полагалось всё самое хорошее. Ольга понимала это и не собиралась обижаться, но вспомнила, как сама впервые пришла сюда шесть лет назад, в новом платье, купленном к знакомству. Нина Степановна накормила их щами и попросила после еды помочь вымыть окна. Они с Павлом потом вспоминали это со смехом. Сейчас Ольге не хотелось смеяться.

Она расставила приборы и сразу увидела, что вилки разные. Нашла ещё одну похожую в кухонном ящике, вытерла. За дверью Илья объяснял бабушкиной соседке, что теперь у папы целая фабрика. Соседка удивлялась правильно, по несколько раз переспрашивая, большая ли, а мальчик каждый раз добавлял к её размеру ещё что-нибудь: второй двор, большой грузовик, гору досок до потолка. Грузовик был нанятый, второго двора не существовало. Ольга не стала вмешиваться.

Павел пришёл из сарая с починенными настенными часами в руках. Часы остановились неделю назад. Он снял их, собирался сразу посмотреть и только сегодня закончил. Нина Степановна велела повесить повыше: на старом месте они криво смотрелись над новой клеёнкой.

— Клеёнка-то на столе, — сказал Павел.

— А вид один.

Он приложил часы к стене, поднял на несколько сантиметров. Мать посмотрела и согласилась. Павел пошёл за инструментом. Ольга слышала, как он в прихожей поцеловал сына, спросил, откуда взялась фабрика, и Илья зашептал что-то ему на ухо.

Она улыбнулась, не оборачиваясь. Затем поставила на середину стола блюдо с селёдкой, украшенной луковыми кольцами, и поправила два кольца, которые съехали в масло.

Марина и Антон пришли вместе. Он держал под мышкой коробку, она — небольшую сумку и свёрнутый в бумагу букет. Нина Степановна всплеснула руками: зачем тратились, у неё дома и так цветы, это же не день рождения. Но букет сразу унесла в лучшую вазу, а Антону велела самому найти место для обуви.

Марина сняла пальто. На ней было тёмно-зелёное платье, простое, с узким воротником. Ольга невольно провела ладонью по собственной юбке. Ей стало стыдно за это движение, тем более что Марина ничего вызывающего не сделала: поздоровалась, поцеловала Нину Степановну, спросила у Ильи, где можно вымыть руки. Он с готовностью повёл её показывать дом, в котором бывал почти каждый день.

— Хорошая девочка, — сказала мать Павла вполголоса.

— Хорошая, — согласилась Ольга.

— И умеет всё сама.

Ольга взяла пустую кастрюлю и отнесла на кухню. На плите ещё кипела картошка. Она выключила огонь, слила воду и несколько секунд постояла над раковиной, грея лицо паром.

За обедом Нина Степановна старалась узнать всё сразу: кто Маринины родители, где живёт сестра, давно ли она шьёт, собирается ли учиться дальше. На вопрос об учёбе Марина оживилась. Ей хотелось попасть на курсы закройщиков, чтобы увереннее работать со сложными вещами. В мастерской обещали направить, но всё откладывалось: то нечем заменить, то не выделили место.

— А после свадьбы зачем тебе такие разъезды? — спросила Нина Степановна.

Антон поднял голову. Ольга опустила глаза в тарелку, чтобы не улыбнуться чужой неловкости.

— Мы ещё о свадьбе не говорили, — ответила Марина.

— Да? А я думала...

— Говорили, — сказал Антон.

Марина посмотрела на него.

— Ты говорил, что не хочешь большую.

— Ну так это и есть разговор.

Павел тихо засмеялся. Нина Степановна обрадовалась смеху, как разрешению продолжать, и сразу принялась объяснять, что большой свадьбы и не нужно: своих собрать, да с её стороны человек десять, да Антоновых друзей. Когда она начала считать, получилось гораздо больше.

Илья слушал и ковырял ложкой картошку. Потом спросил, дадут ли ему на свадьбе торт. Ему ответили сразу трое, и он удовлетворённо съел кусочек селедки, которую до этого отвергал.

Ольга подала горячее. Марина встала помочь, взяла у неё тяжёлое блюдо и, встретив короткий взгляд, ничего не сказала. Это было неожиданно приятно: не пришлось объяснять, что она не прислуга и не обижается. Они просто донесли блюдо вдвоём.

За столом Антон рассказывал, как совсем ушёл с автобазы. Теперь ездить по делам приходилось не между чужими поручениями, а с утра, как всем нормальным людям. Нина Степановна спросила, не жалко ли стажа. Он ответил, что работает, а не гуляет. Павел вмешался: в кооперативе тоже работа, всё оформлено. Мать согласилась не сразу, но спорить больше не стала.

— Только квартиру вам надо, — сказала она Марине. — Здесь вам тесно будет.

Антон удивлённо посмотрел на мать. Ольга тоже не ожидала таких слов. Нина Степановна пододвинула гостям хлеб и продолжила:

— На первое время можно у меня. А там устроитесь. Молодым отдельно надо.

Ольга вспомнила свои первые месяцы после свадьбы, когда это отдельное жильё казалось Нине Степановне излишней прихотью. Павел тогда ещё не хотел уходить из родительского дома. Своё нынешнее жильё они нашли позднее, незадолго до рождения Ильи, и первое время считали каждую плату за него потерянными деньгами.

Она посмотрела на мужа. Он ел, ничего не замечая, и у неё на секунду возникло желание ударить его носком туфли под столом. Вместо этого она попросила передать соль.

Марина поблагодарила за предложение и сказала, что они сначала разберутся с работой. Она не произнесла «мы останемся» и не стала успокаивать Нину Степановну обещанием приходить каждый день. Ольга отметила это с неожиданным уважением.

Когда убрали посуду, женщины остались на кухне вдвоём. Марина мыла, Ольга вытирала. Из комнаты доносились голоса братьев; Илья заставлял их угадывать, в какой руке у него пуговица. Он всегда прятал её в одной и той же, и мужчины по очереди ошибались.

— Это вы шили? — спросила Ольга, кивнув на зелёный рукав.

— Да.

— Очень хорошо сидит.

Марина улыбнулась.

— На себе трудно. Всё время кажется, здесь надо убрать, там распустить. Мне мама молнию застёгивала и уже сердиться начала.

— А можно вас потом попросить?

— Можно.

— Мне не бесплатно.

— Я поняла.

Ольга почувствовала, что сказала лишнее, и занялась тарелкой. Марина вымыла следующую, подала ей ребром вперёд.

— Вы только ткань сначала не покупайте. Посмотрим вместе, — добавила она.

— Хорошо.

В комнате Антон перестал поддаваться. Илья засмеялся так громко, что бабушка велела не ломать стул. Ольга представила мужа, брата, ребёнка, собравшихся над крошечной пуговицей, и обида на белые тарелки отступила. Она не исчезла совсем; просто рядом оказалось что-то больше неё.

* * *

Греков позвал братьев в Горький в конце ноября. Павел поехал неохотно: в мастерской оставалось много работы, а о новом зале Сергей Валерьевич говорил уже полгода, каждый раз заканчивая обещанием «вот уладим помещение». Теперь помещение уладили.

Оно находилось на втором этаже старого здания. Широкие окна, длинная стена без проёмов, отдельный проход к кухне. Внизу работали другие арендаторы. Греков встретил их на лестнице, поднялся впереди и распахнул дверь так, словно зал уже принадлежал ему целиком, вместе со светом и запахом сырой штукатурки.

— Вот здесь и будет.

Павел прошёл по пустому полу. В углу стояли мешки, у окна — ведро с засохшей кистью. Он представил столы вдоль стены, стулья, проходы. Здесь можно было сделать всё сразу, под одно помещение, не угадывая, каким окажется чужой табурет и куда хозяева передвинут холодильник.

— Человек на сколько? — спросил он.

Греков хотел шестнадцать столов и шестьдесят четыре стула. Павел прошёл ещё раз, измерил шагами одну сторону, потом достал рулетку. Антон записывал. Они быстро перестали замечать, что здесь холодно.

Сергей Валерьевич хотел столы, которые можно сдвигать для большой компании, прочные стулья и высокую деревянную перегородку возле служебного прохода. Перегородка должна была закрывать вид на кухонную дверь, но пропускать свет сверху. На небольших полках он собирался поставить растения.

Павел показал, к какой стене её придётся крепить. Греков согласился. Потом они обсуждали расстояние до прохода, высоту, возможность мыть пол под нижней частью. Антон спрашивал, сколько людей будут носить блюда и где они расходятся. Павел сначала счёл это лишним, но потом увидел, что один стол действительно оказывается на неудобном повороте, и передвинул его на рисунке.

Греков смотрел, как братья работают вместе. Не торопил. Только курил у открытого окна и стряхивал пепел в жестяную банку из-под краски.

— Делать сможете? — спросил он, когда рисунок приобрёл вид.

— Сможем, — ответил Павел.

Антон посмотрел на брата.

— Сначала материалы посчитаем. И сроки.

— Срок у меня один. К первому июня должен работать.

Павел ещё раз обвёл глазами зал. До июня оставалось полгода. Он видел готовые вещи так ясно, что время, нужное для их изготовления, казалось почти несущественным.

— К середине мая поставим, — сказал он.

Греков протянул руку. Павел пожал её раньше, чем Антон успел что-нибудь добавить.

На улице младший долго молчал. Они шли к остановке; по краю тротуара лежал чёрный снег, машины обдавали его водой. Павел держал папку под пальто, чтобы не намокли рисунки.

— Ты чего? — спросил он.

— Ничего. Думаю.

— Заказ хороший.

— Хороший. Ты его уже почти пообещал, а мы ещё не знаем, сколько стоит.

— Я сказал, что сделать можем.

— И когда.

Павел остановился. Ему не понравилось, что брат говорит с ним как с неопытным мальчишкой. На мастерскую они решились вместе; Фёдор работал хорошо, заказчики шли. Он ещё ни разу не оставил начатое.

— До мая полгода.

— И за эти полгода люди другие будут приходить. Аренду платить надо. Есть надо.

— Возьмём аванс.

— Вот об этом я и хотел с ним разговаривать. До рукопожатия.

Павел посмотрел на папку у себя под пальто. Антон говорил правду, и от этого было неприятнее. Он хотел привезти домой большой заказ; получалось, привёз брату новую трудность.

— Так поговоришь, — сказал он.

Антон поднял воротник.

— Поговорю.

Они пошли дальше. На остановке Павел купил два пирожка и отдал один брату. Антон взял, не сразу, но взял. Пока они ели, Павел рассказал, как можно сделать разборные узлы у больших столов, чтобы удобнее было поднимать на второй этаж. Антон слушал, уточнял размеры, а потом достал блокнот и начал считать поездки.

* * *

Договор привезли в декабре. Ольга прочла его дома, потому что в мастерской весь день отвлекали. Павел уложил Илью, потом сел напротив и ждал, не заглядывая в страницы. На кухне было тепло; он починил неплотно закрывавшуюся форточку, и впервые за зиму не тянуло по полу.

Условия Антон действительно выговорил. Аванс покрывал основную закупку материалов, следующая выплата шла после доставки готовой мебели, остаток — после окончания монтажа и приёмки. Срок сдачи поставили на вторую половину мая, оставив несколько дней до обещанного открытия. Разделение платежей Ольге понравилось больше, чем одна большая сумма в конце.

Она прочла приложения, перечень вещей, отделку, рисунок перегородки. Отдельно нашла обязанность заказчика подготовить место и обеспечить доступ. Приглашённый знакомый, разбиравшийся в хозяйственных договорах, уже посмотрел документы, но Ольга всё равно выписывала непонятное на край листа, чтобы спросить ещё раз.

— Если он задержит вторую выплату, нам на людей хватит? — спросила она.

Павел сказал, что договор есть.

— Я не про договор. Я про деньги.

Он встал, достал из верхнего шкафа жестяную коробку. В ней теперь лежали не только купюры: ещё квитанции, фотография Ильи с утренника и маленькая бумажка, на которой Ольга записывала накопленную сумму. Эти деньги она называла коротко: на квартиру. Пока никто из них не знал, сколько ещё придётся ждать.

Павел поставил коробку перед женой.

— Это оставим в деле. До расчёта.

Она открыла крышку. Денег было больше, чем год назад она решилась бы держать дома. Они отказывали себе не во всём: купили Илье новую зимнюю куртку, свозили его летом к родне, заменили сломанный чайник. Но крупные покупки каждый раз откладывали. Ольга представляла квартиру с кухней, где можно разминуться, не прижимаясь к столу.

— Ты уже решил?

— Я тебе говорю.

— Это не одно и то же.

Павел сел. Она увидела, что он устал и не готов искать правильные слова. Можно было отложить разговор, но тогда утром коробка уехала бы в мастерскую, а вечером они обсуждали бы уже сделанное.

— Антон свои тоже вкладывает? — спросила она.

— Да.

— Все?

— То, что собирал на свадьбу. Они летом хотят.

Ольга посмотрела на мужа.

— Он Марине сказал?

— Не знаю.

Она закрыла коробку и подвинула обратно.

— Я посчитаю запас. Сколько можно оставить, чтобы мы не бежали к твоей матери, если что-то задержится. Остальное возьмём на работу.

— Хорошо.

Он произнёс это с облегчением, которое она поняла и на секунду почти возненавидела: ему предстояло делать большой красивый зал, а ей — уменьшать сумму, о которой они оба мечтали.

Павел потянулся к коробке, но Ольга удержала крышку ладонью.

— Сейчас не забирай. Утром.

Он убрал руку. Они посидели молча, пока за стеной Илья не заговорил во сне. Ольга пошла к сыну, поправила одеяло, подняла с пола его красную машинку. Антон всё-таки подарил её на день рождения. Багажник открывался туго, и Илья просил не помогать — хотел научиться сам.

Когда она вернулась, Павел стоял у мойки и измерял старую дверцу кухонного шкафа. Ольга подошла и взяла рулетку за холодный конец, чтобы ему было удобнее.

Глава 6. Тот, кто отвечает

Май 1990 года

Последнюю секцию перегородки поднимали вдвоём. Павел шёл спиной по лестнице и держал верхний край, Фёдор снизу следил, чтобы не задеть перила. Антон убирал с площади чужие вёдра и коробки. Молодой Слава, которого приняли помощником в феврале, нёс инструмент и всё время пытался помочь не с той стороны.

— Дверь придержи, — сказал ему Павел.

В зале пахло свежей краской и жареным мясом. Кухня уже работала: послезавтра Греков собирался принять первую большую компанию, не дожидаясь официального открытия в начале июня. Он рассказал об этом ещё в апреле, когда уточняли день окончательной сдачи. Павел тогда ответил, что к этому времени всё будет готово.

Мебель доставили тремя днями раньше. Шестнадцать столов и шестьдесят четыре стула стояли под лёгкими покрывалами. Вторую выплату заказчик перечислил после осмотра, как договаривались; Ольга уже сообщила, что деньги пришли. Осталось смонтировать перегородку, завершить мелкую подгонку и получить окончательный расчёт. Эта последняя часть возвращала семье основную долю того, что они вынули зимой из домашних накоплений.

Павел поставил секцию на приготовленные подкладки и разогнул спину. Полгода работы стояли вокруг него. Не только его и Фёдора: Антон добывал материал, договаривался о перевозках, несколько раз ездил в Горький зря; Ольга держала в голове деньги и сроки; Слава часами зачищал детали, которые в первый месяц боялся брать в руки. Павел видел неровный свет на столешницах и узнавал, какую делал сам, какую доводил после Фёдора. На одной он заметил маленькую тёмную прожилку и обрадовался ей как знакомому лицу.

Потом повернулся к служебному проходу.

На месте, где перегородка должна была примыкать к стене, стоял широкий раздаточный шкаф. Над ним висела полка с чашками. Рядом к стене приставили оборудование, от которого тянулся провод; на полу шла свежая полоса плитки.

Павел подошёл ближе. Вынул из папки рисунок, развернул на ближайшем столе. Провёл пальцем от угла к проходу. Ошибки в рисунке не было.

Греков вышел из кухни, вытирая руки полотенцем.

— Ну что, добрались. Давайте ставьте, у меня после обеда люди будут.

— Это надо убрать, — сказал Павел, показывая на шкаф.

— Что?

— Шкаф. Здесь крепление.

Греков посмотрел, будто видел расстановку впервые, хотя сам выбрал её.

— Перегородку сюда сдвинь.

Он показал место дальше от стены, ближе к столам. Павел приложил рисунок к стене, объяснил, где должен стоять торец. Сергей Валерьевич махнул рукой.

— Я понял. Но мне раздача здесь нужна. Повар посмотрел, ему так удобнее.

— А этой секции за что держаться?

— На полу же стоит.

Павел позвал Фёдора. Они вдвоём придерживали высокую секцию в положении, которое предлагал Греков. Нижняя часть стояла ровно, но при лёгком движении верх отклонялся. Павел не стал отпускать, только попросил заказчика посмотреть.

— И сюда вы цветы поставите. А мимо люди ходят.

— Так закрепи.

— К чему?

Греков раздражённо выдохнул.

— Ты мастер. Или я должен придумать?

Фёдор продолжал держать секцию. Павел чувствовал её вес в руках и всё сильнее злился на разговор, в котором из него делали человека, не умеющего закончить собственную работу. Он показал на подписанный рисунок.

— Мы договорились вот так. Я под это сделал.

— А я тебе уже половину жизни за это отдал. Деньги взял?

— Взял за то, что заказали.

Греков бросил полотенце на спинку стула. Из кухни выглянула женщина в белом халате. Антон подошёл к ним, но Павел не дал ему заговорить.

— Я сейчас поставлю её к стене. Шкаф переносите.

— Ты у меня тут распоряжаться не будешь.

— Тогда сами ставьте.

Фёдор тихо сказал, что надо сначала положить секцию. Павел услышал, но не сразу отреагировал. Только когда дерево качнулось у него в ладони, помог отнести конструкцию к свободной стене и уложить на подкладки. Слава стоял возле инструментов, не понимая, можно ли что-нибудь брать.

Антон спросил Грекова, зачем шкаф поставили именно сюда. Тот ответил, что из кухни так ближе, меньше носят через проход. Антон подошёл к кухонной двери, подвинул стул, попробовал пройти с пустым подносом, который дала ему женщина. Павел смотрел на это и злился ещё больше. Брат превращал невозможное требование в вопрос, который они будто бы не потрудились изучить.

— Я это в ноябре уже мерил, — сказал он.

— В ноябре шкафа не было, — ответил Антон.

— Вот именно.

Греков повернулся к Павлу.

— У тебя всё всегда “вот именно”. Сделать можете или нет?

— Так — нет.

— Значит, забирай. Остаток получишь, когда сделаешь как надо.

Павел почувствовал, как лицо стало горячим. За мебель уже рассчитались в оговорённой части, её никто не собирался увозить. Греков говорил о незаконченной перегородке и финальной приёмке. Но услышалось так, будто все полгода можно свернуть обратно в папку и унести по лестнице.

— Не надо со мной как с мальчиком, — сказал он.

— А ты не води себя как мальчик.

Антон поставил поднос на стол.

— Паша, выйдем.

— Я не закончил.

— Выйдем на минуту.

Греков взял полотенце, повернулся к кухне. Павел хотел остановить его, заставить посмотреть на рисунок ещё раз, признать хотя бы перед Фёдором, что от них требуют другого. Вместо этого бросил папку на стол. Из неё вылетел лист, скользнул под стул. Слава нагнулся, поднял и положил обратно.

Павел вышел за братом.

* * *

На лестничной площадке было прохладно. Внизу кто-то мыл пол, слышалось, как ведро задевает перила. Антон стоял у окна и тёр ладонью затылок.

— Он неправ, — сказал Павел.

— Знаю.

— Ты ему это скажи.

— Я сейчас хочу понять, как закончить.

— Убрать шкаф.

— Шкаф можно подвинуть. Не весь. Справа место есть, если убрать одну его приставку. Я посмотрел. Тогда секция встанет, как у тебя нарисовано, и проход останется.

Павел мысленно восстановил расстановку. С правой стороны действительно стояла низкая приставная часть, не связанная с основным шкафом. На ней лежали салфетки и коробки. Её можно было убрать, сдвинуть раздачу и освободить место у стены. Повару пришлось бы изменить часть привычного движения, но не носить блюда через весь зал.

— Пусть двигают, — сказал он.

— Он сейчас не будет тебя слушать.

— А тебя будет?

Антон посмотрел ему в лицо.

— Попробую.

Павел хотел спросить, сколько брат собирается за это уступить, но удержался. Ему нужен был окончательный расчёт. Не потому, что без этих денег завтра останутся без хлеба: Ольга предусмотрела запас. Нужно было вернуть то, что они забрали из дома, заплатить за последние закупки и не начинать следующий месяц с переносов. Кроме того, зал получился хорошим. Он ещё минуту назад стоял среди столов и гордился ими. Уехать сейчас означало оставить свою работу на чужое усмотрение и ждать, кто закончит её потом.

— Я в долг переделывать не стану, — сказал он.

— Переделывать твоё не надо. Надо переставить его.

— Тогда почему я должен выходить?

Антон отвёл глаза к окну. По подоконнику ползла муха, вялая от холода.

— Потому что ты сейчас на него смотришь так, будто хочешь стул об голову сломать.

Он это видит.

— А ты, значит, умеешь смотреть.

— Сейчас — лучше.

Они замолчали. Внизу перестали двигать ведро. Павел слышал только кухню за закрытой дверью и собственное дыхание. Антон с детства мог сказать обидное и сразу сделать вид, что обсуждает простой факт. Павел всегда оставлял себе последнее слово. Сейчас слово не находилось.

— Иди, — сказал он наконец.

Брат вернулся в зал. Павел остался на площадке. Он мог уйти вниз, постоять на улице, но это выглядело бы слишком похоже на ожидание разрешения вернуться. Поэтому он подошёл к окну и стал смотреть во двор.

Разговор за дверью длился долго. Сначала слышался только Греков, потом Антон, затем женский голос. Кто-то передвинул мебель. По глухому скрежету Павел догадался, что двигают раздачу, и представил, как царапают ножками пол. Ему хотелось войти и сказать, чтобы подложили картон. Он не входил.

Когда дверь открылась, Антон стоял уже без куртки.

— Пойдём.

В зале приставку отодвинули к другой стене. Женщина с кухни что-то складывала на неё, сердито хлопая дверцей. Раздаточный шкаф теперь стоял ближе к двери, а место для торца перегородки освободилось. Павел сразу увидел, что можно работать.

Греков держал их рисунок. На свободном поле Антон записал новое расположение шкафа и порядок окончания работ. Сергей Валерьевич подписал; Павлу оставалось проверить техническую сторону и поставить свою подпись.

— Вот так делаем, — сказал Антон. — Остаток по договору, ничего не снимают. Приёмка завтра, как планировали.

Павел прочёл. Изменение их изделия не требовалось. Проход оставался свободным. Крепление возвращалось туда, где они его согласовали. Он взял ручку.

— И ещё, — сказал Греков. — До конца монтажа я разговариваю с Антоном. Один отвечает за всё. А не так, что один обещает, другой тут мне лекции читает.

Павел поднял голову.

— За крепление я отвечаю.

— Мне нужен один человек. Он знает, кто у него что делает.

Антон стоял рядом со столом. Павел посмотрел на него и ждал. Достаточно было сказать: мы оба хозяева, мы вместе решаем. Это не помешало бы закончить монтаж. Или помешало бы — он уже не был уверен. Весь зал ждал ответа: Фёдор у сложенных секций, Слава с коробкой инструмента, женщина у раздачи.

— Здесь я веду работу, — сказал Антон. — Паш, технические вопросы сначала со мной. Я ему передаю.

Павел не двинулся.

— Так проще, — добавил брат.

Сергей Валерьевич забрал со стола полотенце и пошёл на кухню. Для него разговор закончился. Павел всё ещё держал ручку. На листе под его рукой стояла Антонова подпись — быстрая, с короткой чертой вместо последней буквы.

Он проверил рисунок ещё раз, хотя уже всё видел. Потом расписался.

— Слав, убери коробки с прохода, — сказал Антон. — Фёдор, помоги ему. Паш, начинай с торца, пока здесь пусто.

Это были разумные распоряжения. Именно так Павел и собирался делать. Но Слава повернулся сперва к Антону и лишь потом посмотрел на него, и в этом небольшом движении оказалось больше, чем в предыдущем споре.

Павел закрыл папку, отнёс к окну и взял инструмент.

* * *

Они закончили на следующий день. Греков прошёл вдоль перегородки, посмотрел на соединения, на свободный проход, попросил женщину с кухни пронести полный поднос. Та прошла, не задевая мебель, и поставила поднос на раздачу. Потом в зал внесли растения. Павел сам показал, на каких полках можно размещать горшки, и проверил, не мешают ли они людям.

Он говорил с Антоном. Антон поворачивался и повторял заказчику.

Поначалу это казалось нелепым, почти комическим: трое стояли на расстоянии вытянутой руки и передавали друг другу короткие фразы. Затем Павел перестал замечать нелепость. Он ждал, когда закончится приёмка, и боялся, что именно это равнодушие останется у него после.

Греков подписал документы. Предложил остаться сегодня поужинать, сказал, что приведёт знакомого, у которого тоже намечается дело, и попросил несколько фотографий готового зала для себя. Антон ответил, что пришлёт, как только снимут. Фёдор попросил разрешения

присесть и сел на стул возле окна. Слава стоял у стены, держа пустую коробку, пока Павел не велел поставить её на пол.

Вечером они всё-таки остались в Горьком. Пришли Грековы знакомые, зазвучала музыка из магнитофона, кто-то принёс цветы. Это ещё не было большое открытие, но зал быстро стал похож на то, ради чего его делали. На столешницы положили скатерти. Стулья задвигались. Девушка в светлой блузке отставила сумочку на свободное сиденье и тут же поставила на пол, когда подошёл другой человек.

Павел смотрел на эти движения с усталым удивлением. Он помнил каждую вещь отдельно, разобранной, недоделанной, лежащей на верстаке. Здесь вещи почти сразу перестали привлекать внимание. Люди садились, поворачивались друг к другу, передавали тарелки, и работа исчезала в их вечере. Ему всегда хотелось именно этого — сделать то, чем пользуются. Сейчас хотелось, чтобы кто-нибудь всё же заметил.

Греков подвёл к Антону высокого мужчину в сером костюме. Они говорили о новом помещении, о сроках, о том, можно ли приехать посмотреть. Павел сидел за соседним столом. Антон несколько раз кивнул в его сторону, но не позвал. Когда разговор закончился, принёс брату сложенную бумажку с телефоном.

— Есть ещё человек. Позвонить надо на неделе.

— Ты и позвони.

Антон посмотрел на него, потом убрал бумажку в карман.

Павел встал и подошёл к перегородке. На одной полке стоял горшок с мелкими фиолетовыми цветами. Женщина с кухни, уже переодетая в тёмное платье, поправляла под ним салфетку. Увидела Павла, сказала:

— Красиво получилось. Спасибо.

Он кивнул. Ему вдруг стало тяжело стоять. Он вернулся к столу, сел рядом с Фёдором и доел остывшее мясо, почти не чувствуя вкуса.

Обратно ехали поздно, в нанятой машине. Слава спал впереди, Фёдор дремал у окна. Павел и Антон сидели сзади, между ними лежала папка с подписанной приёмкой. Дорога шумела под колёсами; свет встречных машин на секунду выхватывал лица, затем опять оставлял их в темноте.

— Я бы без тебя не сделал, — сказал Антон.

Павел не повернулся.

— Знаю.

— Паш.

— Что?

Антон помолчал.

— Ты думаешь, мне приятно было? Стоять перед ним, объяснять одно и то же, пока он мне в лицо дым пускает. Я не для себя там оставался.

— А мне перед ребятами что было делать?

— Работать. Мы для этого приехали.

Павел наконец посмотрел на брата. Антон устало держал голову на ладони; в вороте расстёгнутой рубашки темнела кожа. Он тоже провёл два дня на ногах, тоже не выспался, тоже считал чужие деньги своими будущими деньгами.

— Ты мог сказать по-другому, — произнёс Павел.

— Наверное.

— Не наверное.

Антон отвернулся к окну. Павел ждал продолжения, но его не было. Между ними лежала папка, и, когда машина подпрыгнула на неровности, они оба придержали её руками. Павел убрал свою первым.

Через несколько дней Ольга сообщила, что пришёл окончательный платёж. Рассчитались по всем условиям. После расходов и выплат осталось больше, чем прежде они получали за несколько месяцев. Впервые можно было думать о следующем заказе, не вынимая последние купюры из домашней коробки.

Вечером она позвала обоих к столу, разложила расчёты и сказала, что они справились.

Антон улыбнулся. Павел посмотрел на сумму, потом на брата и попросил показать, какие заказы тот собирается принимать дальше.

Глава 7. Место для танцев

Июль 1990 — апрель 1991 года

Утром перед свадьбой Марина отпоролла от платья последнюю наметку и только после этого разрешила матери гладить подол. Мать боялась испортить ткань, поэтому водила утюгом слишком осторожно. Марина стояла рядом в нижней юбке и показывала, где надо придержать.

— Сама бы сделала, — сказала мать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.